

Фальшивая монета

Автор:

Максим Горький

Фальшивая монета

Максим Алексеевич Горький

«...Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия...»

Максим Горький

Фальшивая монета

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Яковлев – часовых дел мастер, одноглазый.

Полина – жена его.

Наташа – дочь от первой жены.

Клавдия – племянница.

Дуня – соседка, подруга Клавдии.

Бобова – торговка старыми вещами.

Ефимов – муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.

Кемской – судебный следователь.

Глинкин – его письмоводитель.

Стогов.

Лузгин.

Иванов – полицейский.

Большая комната – приёмная барского дома: её увеличили за счёт другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее – лестница в два марша, – она ведёт в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей – дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу – дверь к Ефимовым, ближе к рампе – дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене – окно во двор. Рядом с окном – старый буфет. У правой стены – диван, но на него садятся осторожно. Всё – старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

Сцена первая

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия.

Клавдия. Наташа, ты бы помогла!

Наташа. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

Клавдия. О пожаре?

Наташа. Да. Удивляюсь.

Клавдия. После удивишься. Лучше помоги-ка. (Полине.) Это – куда?

Полина. Это – к Наташе, пожалуйста.

Наташа(через газету). Ну, чего вы торопитесь? Всю ночь не спали, устали...

Клавдия(уходя вверх). Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Наташа(осматривая комнату). «Как хорошо, что это бывает не каждый день, – подумала курица, когда повар начал резать ей горло».

Яковлев(из двери магазина). Полина, ты не видала, где часы из витрины, мраморные?

Полина. У вас в руках видела.

Наташа(читает). «Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах». Люблю, когда еров много...

Яковлев(входя). Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрёхи... Полина, а где ящик с гвоздями?

Полина. Не знаю.

Яковлев. Мало ты знаешь...

Наташа. Ну, где теперь найти этот ящик!

Яковлев(вынул часы, смотрит). Тут сейчас человек должен придти... (Замялся, сморщил лицо.)

Наташа. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придёт человек?

Яковлев. А, ну тебя! Всё шуточки... (Идёт в магазин.) Смотри – актрисой будешь...

Наташа. «Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении». (Взяв кусок хлеба, блюдце и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит пред собою, шевеля губами.)

Клавдия(с верха). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Наташа. Прoberёт мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя – вы соизвольте рассердиться когда-нибудь?

Полина(очнувшись). Мне пора обед готовить.

Наташа. Обед – это тривиально. Обед не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

Полина. А если отец...

Наташа. «Здесь приказываю только я, – величественно произнесла маркиза».

Полина(уходя с охапкой одежды). Ну, как хочешь.

Клавдия. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней...

Наташа. Ах, оставь! Ещё и ты будешь меня моралью набивать!

Клавдия. Чего ты взвилась?

Наташа. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла... от неё – тоска. Чертей не удивишь кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

Клавдия. Как это – поставить?

Наташа. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

Клавдия(усмехаясь). Если мне нравится...

Наташа. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за сорок, острижен ёжиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

Клавдия. Что вы, Поля?

Полина(бормочет). Вот, – Наташа... я не знаю...

Наташа(прищурясь). Что такое?

Полина. Вот этот господин... я сейчас спрошу... (Идёт в магазин, спотыкаясь, как слепая.)

Стогов(вежливо). С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Наташа. Какой квартиры? Мы – не сдаём...

Стогов. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдаётся флигель.

Наташа. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью...

Стогов(кланяясь). Очень приятно узнать. Однако...

Наташа. Вы – погорелец?

Стогов. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Наташа. Можно. Он – существо видимое. Вы – приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

Клавдия. Пройдите в магазин – он там...

Стогов. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Наташа. Вежлив. Похож на американского героя.

Клавдия. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Наташа. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

Полина(согнувшись над узлом). Я? Почему? Голова кружится...

Наташа. Нет, всё-таки?

Полина(словно припоминая). Я развешиваю во дворе платье – вдруг он идёт... Я не испугалась...

Наташа. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь... Ну, ладно: «Оставим это для потомства, – сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю». Впрочем – такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

Клавдия(задумчиво, глядя на Полину). Не рано ли?

Наташа. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще – трудиться.

Яковлев(из магазина). Наташа, не видала ключ от флигеля?

Наташа. Нет.

(Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.)

Клавдия(мечтательно). Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках...

Наташа. Да? И что же?

Клавдия. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые....

Наташа. Прекрасная мечта!

Клавдия. Или хоть с таким, который сбывает их...

Наташа. Превосходная идея!..

Клавдия(вздыхнув, с досадой). Ты всё насмехаешься. Удивительно, до чего ты несерьёзна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Наташа(серьёзно). А видите ли: один грешник, просидев в аду тысячу девятьсот тринадцать лет, сказал соседу: «Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили».

Клавдия. Терпеть не могу твои шуточки...

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Яковлев. Полина – ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцеремонно разглядывает Стогова. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Яковлев. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело – теперь многие изобретают...

Стогов. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Яковлев. Зато в доброте души – мы впереди всех народов.

Стогов(усмехаясь едва заметно). Говорят, что так...

Дуня(вбегает, – это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит). П'едставьте, всё ещё летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье, и вд'уг оно заго'елось, – вот какая ды'а. Я п'ибежала сказать вам...

Яковлев(внушительно). Искры летят оттого, что люди роются на пожарище.

Дуня(удивилась). Да?

Яковлев. А вы думали – отчего?

Дуня. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Наташа(уронила на пол блюдце). Ах, несчастная!

Яковлев. Хозяйка, эх...

Полина(с верха). Нет ключа.

Яковлев. Как же это?..

Клавдия. Идёмте, я отопру без ключа!

Яковлев(Стогову). Пожалуйста. Хаос у нас. (Ведёт его к двери в кухню. Навстречу – Ефимов, в руках его по тяжёлой связке книг, он держит их, как вёдра с водою.)

Дуня. Ах, какой ужас был ночью, какое раззорение!

Наташа. Забыла, Дуня, нужно сказать – 'аззоение...

Дуня. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

Ефимов(опустил книги на пол, оттирает пот с лица). Для Натальи Ивановны стеснять людей – первое удовольствие.

Наташа. «Философия составляла любимый предмет Агафьи».

Дуня. Это что ещё за Агафья?

Наташа. Старушка одна у Льва Толстого, в «Анне Карениной».

Ефимов. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Наташа. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Ефимов. Всё равно. У серьёзного писателя и герои не говорят глупостей.

Дуня. Наташа, – кто этот господин?

Наташа(отломилла ручку чашки). Ещё одно несчастье!

Полина(как во сне, спускается с лестницы, испуганно остановилась). Какое несчастье?

Наташа(показывая ей чашку). Как трудно трудиться, Поля!

Ефимов(толкая ногой связку книг). Вот, – за швейную машину энциклопедическим словарём заплатили. И то – слава богу, – могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да... В других странах невозможно подобное... извращение фактов, а у нас... (Огорчённо махнул рукою, взял книги, идёт к себе.)

Наташа. Ты этого бритого не встречала раньше?

Полина(беспокойно). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Дуня(идёт за Ефимовым). Интересного мужчину и в церкви заметишь.

Полина(ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей). Ничего я не замечала. Всё это напрасно...

Наташа. Что ты ворчишь?

Бобова(входит с узлом в руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая). Здравствуйтесь, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужасы, пожарище-то каков! Я, подобно мышке летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погибельней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают... Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Наташа. Вот именно – помоги! Умираю от усталости...

Бобова. Женишка твоего видела сейчас.

Наташа(равнодушно). Где?

Бобова. Сюда идёт с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несёт её в кухню.)

Бобова(Полине). Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, – всего на два дома до вашего иссяк огонь...

Полина(глухо). Сгореть бы и этому...

Бобова. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домок, неудобный! Что это Наташа не уговорит крёстного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то – живёте вы под барским капризом: сегодня – любезны, а завтра – пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22-25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках – портфель.)

Бобова. Дворянину – почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Глинкин. Не твоё дело. Где Яковлев?

Бобова. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Глинкин(Полине). Вы что же не здороваетесь со мной?

Полина. А вы со мной?

Глинкин. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Бобова. А ты кого спросил?

Глинкин. Не всё равно – кого?

Бобова(Полине). Это куда?

Полина. Дайте мне, это наверх. (Идёт.)

Глинкин(ворчит ей вслед). Копчёная селёдка. Как живёшь, Бобиха?

Бобова. А как привыкла: хихоньки да хахоньки, доходишки – махоньки, живу – не тужу, всем служу, а тебе – погожу. Когда долгишки-то отдашь мне?

Глинкин(ходит вокруг стола). Успеешь. (Суёт пальцы в карман жилета, предполагая найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щёлкает ими. Напевает из Фауста.) «На земле весь род людской...»

Бобова(улыбаясь, следя за ним). Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Глинкин. Я гадостей не люблю помнить.

Бобова. Свадьба-то у вас – когда?

Глинкин. Это не твоё дело. Семья – священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак – любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. (Осматривает стены, насвистывая.)

Наташа(вышла, приседает). Виконт!

Глинкин. Здравствуйте. А где ваш отец?

Наташа. Пошёл сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Глинкин. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Наташа. За провизией к обеду.

Глинкин. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Наташа. Виконт – я знаю ваши вкусы...

Стогов(входит). Человек должен иметь хозяина...

Яковлев(идя за ним, весело). И надо всеми – господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно... Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь – Наталья.

Стогов(кланяется, не подавая руки). Пётр Васильевич Стогов.

(Наташа комически важно приседает.)

Глинкин(тоже важно). Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Наташа. Из пятого класса реального училища.

Глинкин(окинув её сердитым взглядом). Личный секретарь судебного следователя Кемского.

(Стогов серьёзно кланяется, но в глазах усмешка.)

Наташа. То есть – писарь.

Яковлев. А эта – торгует старинными вещами.

Бобова. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу.

Стогов. Выгодно старинными вещами торговать?

Глинкин. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи...

Бобова. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, её надо сделать. И без обману нельзя. Все любят обманути быть, лишь бы хорошо обманули.

Яковлев. А вот – жена...

(Полина прячет руки за спину, отступив.)

Стогов(кланяется ей). Так вы позвольте мне смерить там, – нет ли у вас рулетки или аршина?

Яковлев. Полина...

Полина(села на стул). Нет.

Яковлев. Как – нет?

Наташа. Аршин у меня в комнате. (Полина не двигается.)

Яковлев. Ты слышишь?

Наташа(идёт). Я принесу.

Яковлев(жене). Ты – что?

Полина(тихо). Устала...

Яковлев. Ну... все устали!..

Наташа(подавая аршин). Извольте.

Стогов(кланяясь). Благодарю.

Яковлев. Может – помочь вам, а?

Стогов. Нет, не беспокойтесь, я сам... (Ушёл.)

Яковлев. Ну, – похоже, что хороший постоялец, видимо – со средствами. Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы...

Наташа. «Аббат, мы это слышали». (Идёт в магазин.)

Яковлев(жене). А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встаёт.)

Глинкин(иронически). Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Яковлев. Вы, Тихон... эх, грешить не люблю! (Уходит в магазин, сердито ворча.)

Глинкин(осматривая стены). Ни одного зеркала – нельзя даже понять, существуешь ты или нет? (Идёт наверх.)

Бобова(когда Глинкин скрылся). Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, – что это ты?

Полина(идёт в кухню). Где же Клавдия?..

Бобова. А она за нафталином побежала. (Подходит к окну, делает знаки, оглядывается.) Тсс... тсс...

Стогов(в окне). Ну, что?

Бобова. Ладно ли дело-то?

Стогов. Квартиру снял. Что это за дурак, зять этот?

Бобова(складывая пальцы в кулак). Так, щеночек, он у меня в горсти.

Стогов. Никого нет?

Бобова. Позвать её, что ли?

Стогов(скрываясь). Да, скорее.

(Бобова идёт в кухню, по дороге заглянув в магазин; Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

Полина(тихо, испуганно). Зачем вы пришли? Зачем?

Стогов(говорит тихо, с лёгкой усмешкой, трудно понять – серьёзно или шутя). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, – вот и нашёл.

Полина. Прошу вас – уйдите!

Стогов(усмехаясь). Не надо притворяться, Поля!

Полина. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

Стогов(всё так же, с усмешкой). Судьба, хозяин твой, влюблённый человек...

Полина. Я вас не знаю, я не хочу...

Стогов. Я – твоя судьба, ты – моя. (Подходит ближе к ней, говорит негромко.) Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

Полина. Нет!

Стогов. Есть что-то... Может быть, это – от бессонницы, может быть – от скуки. Одним словом – ты мне нужна, и я пришёл за тобой...

Полина. Нет! Не смеешь... не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили... из-за тебя!

Стогов. Но ведь тебя оправдали.

Полина. Молчи!

Стогов. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребёнок родился мёртвым, проклятая бабка сказала мне. Но, – она не вовремя умерла, а я, как тебе известно... впрочем, я не оправдываюсь.

Полина. Зачем ты пришёл? Зачем?

Стогов. Я сказал – за тобой.

Полина. У меня – муж. Он пожалел меня тогда ли – на суде...

Стогов. Иной раз пожалеть выгодно.

Полина. Третий год я живу...

Стогов. Живёшь? Разве?

Полина. Не смей!

Стогов. Ну, перестань!

Полина. Христом богом прошу – уйди!.. Не могу Я. – ничего не могу...

Стогов(хмурясь, спокойно). Чему быть, того не миновать...

Полина(прислонясь к двери). Кто ты такой?

Стогов(серьёзно). Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но – боятся. Я, знаешь, даже испугался за тебя. Пойми – это верно! Испугался!

Полина. Врёшь! Ты врёшь... Ну, если ты добрый человек – уйди же! Я прошу.

Стогов(усмехаясь). Грешница ты – в мыслях, и – я ведь знаю – очень любишь грех, очень ждёшь его.

Полина. Нет. Неправда! Не хочу!

Стогов. Брось – меня не обманешь. (Почти с восхищением.) Ты очень сильная женщина, Поля, ты – настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя... Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом – не грех, а – обязанность, это – твой долг. Пойми! Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, – знала! Это в тебе не могли убить, не притворяйся. (Громко и деловито.) Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. (Шепчет ей.) Отвечай мне, ну!

Полина. Хорошо. Да. Прощайте.

(Из двери магазина идёт Кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове – выцветшая судейская фуражка, в руках – пара уток.)

Кемской. Кто такое, а?

Стогов. Постоялец. Снял флигель.

Кемской. А... Семейный?

Стогов. Одинок.

Кемской. Почему?

Стогов. Холостому удобней.

Кемской. Гм... Может быть. Полина – Тихон здесь?

Полина(очнувшись). Да.

Кемской. Бросил меня, ушёл. Я говорю: возьми Наташе уток, а он – ушёл! Вот утки, Наташе. Да. (Сел к столу. К Стогову.) Вы – квартиру сняли? Гм... Чем занимаетесь?

Стогов(не спеша, двигаясь к двери магазина). Изобретаю новый сплав.

Кемской. Сплав леса?

Стогов. Металлов.

Кемской. Не понимаю!

Стогов. До свидания. (Ушёл.)

Кемской. Полина, – как это он тут?

Полина(тихо). Не знаю, не знаю...

Кемской(сердится). Что это ходят тут всё, эти, разные... Тут – Наташа, и вдруг... Какой-то слесарь... Наташа испугалась пожара?

Полина. Не дитя она.

Кемской. Приготовь ей уток, зажарь... Помоги мне снять это.

Бобова(идёт из кухни). Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна.

Кемской. Ага, лиса, ты здесь, а?

Бобова. Несчастье всех в одну кучу кладёт, миротворец ты наш.

Кемской. Погорела, а?

Бобова. Нет, господь миловал.

Кемской. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама – несчастье. (Доволен словом, смеётся.) Вот именно, – ты сама – несчастье, а?

Бобова. Ну, что это вы говорите, добрячок такой! Я ко всем с добром, а вы меня – колом. А обещаньице-то своё не исполнили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maksim-gorkiy/fal-shivaya-moneta>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)